Вадим Трепавлов

Русский царь в нехристианских культах Российской империи

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-2-222-240

Vadim Trepavlov

The Russian Tsar in Non-Christian Religions of the Russian Empire

Vadim V. Trepavlov — Center of History of the Peoples of Russia and Inter-Ethnic Relations, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). trepavlov@yandex.ru

This article describes the sacralization of a Russian monarch's person in the non-Christian religious systems of the Russian Empire (Islam, Buddhism, traditional beliefs). It shows that in Christianizing subjects' mythological worldview a tsar could play the role of a demiurge, replacing the pagan creator, and moreover, Russian Buddhists actually included the supreme rulers of the Empire in the pantheon of their faith. The government encouraged the imposition of the cult of the emperor by obliging the clergy of non-Christian faiths to engage the congregation in the celebration of national events related to the reigning dynasty (which also had religious overtones). Central and local administrative authorities invented prayers for the health of the ruling tsar and his family. These measures were an important means of involving the ethnic elites and, in general, the non-Slavic population, in participation in the life of the state and of implementing government policy in the national regions. The emperors' personal contacts with non-Christian subjects, including primates of non-Orthodox denominations, occupied a prominent place in government ethnic policy.

Keywords: sacralization, emperor, clergy, worldview, mythology, prayer, worship.

Сотрудничество с элитами народов, включенных в состав России, составляло ведущий принцип российской этнической политики. Важным средством вовлечения этни-

Трепавлов В. Русский царь в нехристианских культах Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 222–240.

Trepavlov, Vadim (2017) "The Russian Tsar in Non-Christian Religions of the Russian Empire", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 35(2): 222–240.

ческих элит (как и неславянского населения в целом) к участию в жизни государства, к осуществлению правительственной политики было формирование своеобразного культа российского монарха[1]. Достигалось это во многом благодаря сакрализации его персоны через разного рода религиозные действа и публично оглашаемые тексты. Представления о верховном сюзерене формировались в среде «инородческого» населения во многом стихийно, в ходе жизни в пределах государства, но порой также целенаправленно пропагандировались (насаждались) властями на местах. В условиях, когда волей истории в общих границах объединились носители многих языков и нескольких религий, фигура государя служила одной из немногих идеологических и политических скреп колоссальной полиэтничной державы.

Сам царь был, конечно, православным властителем. Приверженность «христианской вере греческого закона» представлялась одной из его главных черт в народном сознании.

> Петр Павлович бьет в колокола,
> Бьет в колокола, акафист читает, —

поется в одной из песен мордовского цикла о Павле I[2]. Образ всемогущего и милосердного правителя служил подспорьем в христианизации «иноверцев». Некий проповедник в 1872 г. рассуждал, обращаясь к чукчам, о том, что все народы происходят от Адама и Евы, следовательно, все люди суть братья и сестры;

> вот почему царь наш, который отечески заботится о благе своих подданных, посылает к вам миссионеров, а то посудите сами, говорил о. миссионер, для чего же ему расходоваться, давая жалованье мне, дьячку и переводчику, если он не жалел бы вас и не желал бы вам добра[3].

В патриархальном, насыщенном мифическими образами сознании многих «инородцев» персона царя обретала сверхъестественные, сказочные черты. Сакральная безграничная власть превра-

1. См. подробно: *Трепавлов В.В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007. Гл. II.
2. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1. Кн. 2. Исторические песни XVI–XVII веков / Сост., подгот. текстов, предисл., коммент., пер. с морд. А.М. Шаронова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1977. С. 266. В песне имя и отчество Павла перепутаны.
3. Проповедь Евангелия перед чукчами // Миссионер. 1874. № 11. С. 115.

щала его во всемогущего владыку, который способен на деяния, недоступные простому человеку. Нам уже доводилось писать, что верховная государственная власть понималась основной массой населения России XVII–XIX вв. как явление, во-первых, тотальное и всеохватное, пронизывающее все сферы жизнеустройства; во-вторых, магически-сакральное, далекое и недостижимое, недоступное для простых людей; в-третьих, персонифицированное — воплощенное в царе[4]. В языческом мировоззрении обладатель абсолютной власти над империей удостаивался персонального небесного покровителя. Персонаж марийского пантеона Кугужан-юмо (кугужа означает «царь»), или — с использованием русизма — Сар-юмо (бог царя), он же Ош-юмо (белый бог), заботился о главе государства, внушал ему намерение снизить подати, отвечал за связь правителя с подданными. «Царь нужды моей не знает» — так начиналась адресованная этому богу молитва. В жертву ему приносилась соловая или белая лошадь[5].

Русский царь задействован в мифах о миротворении, хотя в поздних записях мифические сюжеты преображаются в несколько странную картину. Наглядный пример — мордовская историческая песня «На горах на Дятловых»:

> На горах, горах Дятловых
> Мордва богу молится,
> Кланяясь на восток до земли-матушки.
> Мурза, царь московский, плывет по притоку Волги (варианты: по Воложке, по Камышине),
> По притоку Волги плывет мурза на суденышке.

Царь посылает мордве золото и серебро. Мордовские старики в ответ направляют царю мед, хлеб и соль, но молодежь, которой поручено все это доставить, съедает подношения и взамен кладет в корзины землю и песок. Царь, увидев содержимое корзин, крестится и благодарит Бога:

> «Слава тебе, мой бог, властелин!
> Ты отдал мне всю эту землю

4. *Трепавлов В.В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. С. 5, 6.

5. *Кузнецов С.К.* Четыре дня у черемис во время Сюрема // Полтыш — князь черемисский. Малмыжский край. Ред.-сост. Лайд Шемйер (В.Н.Козлов). Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба, 2003. С. 368.

(вариант: Слава тебе, боже царю,
Что отдал в мои руки мордовскую землю!),
Мордва предоставляет мне всю свою территорию.
Я получил то, что желала моя душа».
Мурза поплыл дальше по Волге,
По Волге на судне.
Где бросит руку песка —
Появляется город.
Где бросит горсточку –
Деревня появляется
(вариант: Где бросит земли горсточку —
Быть там градечку,
Где бросит щепоточку —
Быть там селеньицу)[6].

Собирательный образ явлен здесь в исторически нелепой фигуре мурзы-царя московского[7], а вхождение мордвы в состав России представлено как сказочное недоразумение. Однако в последней части текста мурза-царь предстает в облике демиурга, созидающего города и деревни. В народном сознании он наделен божественной прерогативой миротворения, что можно оценивать как переосмысление организующей роли царя в государстве. Как в мире, так и в государстве он наводит порядок, пресекая изначальный хаос — здесь-то и просматривается связь с первичными космогоническими мифами. Царь в традиционном, начинающем христианизироваться сознании занимает место языческого зиждителя.

В марийском предании некий черемис после долгой службы у Петра I просит отпустить его домой. На вопрос царя о будущих занятиях он отвечает: «Я хочу охотничать, ловить зайцев, драть лыко и плести лапти». Петр отпускает черемиса восвояси, пода-

6. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10 / Сост., пер., предисл., коммент. Л.В.Седовой. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983. С. 15, 18, 19.

7. Возможно, в этом образе смешались и наслоились персонажи из разных исторических эпох — Андрей Боголюбский, Юрий Всеволодович, Иван Грозный (*Власова З.И.* Фольклор о Грозном у П.И.Мельникова и Н.К.Миролюбова // Русский фольклор. Т. XX. Фольклор и историческая действительность / Отв. ред. А.А.Горелов. Л.: Наука, 1981. С. 116, 117, 129). Также высказывалось мнение, что данный персонаж «однозначно был представителем… симбиозной буртасско-булгарско-мещерской цивилизации, прямыми потомками которой являются нынешние татары-мишари» (*Хайретдинов Д.* Основатель Нижнего Новгорода — татарин! // Татарские новости. 2005. № 7 (132). С. 10).

рив ему ружье и лапти[8]. Здесь царь выступает в роли архаичного культурного героя, дарующего человеку хозяйственные атрибуты.

Основными нехристианскими конфессиями в России были и по сей день остаются ислам и буддизм. Духовенство обеих религий в целом поддерживало верховную власть империи и соответствующим образом настраивало свою паству. Были установлены единые «высокоторжественные и царские дни» рождения, тезоименитства и восшествия на престол, в которые православным было обязательно, а иноверцам желательно совершать «возношения о здравии и благоденствии Государя Императора и Августейшего Его Дома»[9]. Мусульманские первосвященники (*муфтии*) рассылали указания муллам мечетей публично восхвалять правящую династию и возносить за нее молитвы.

Редкий и зримый повод проявить такое отношение («подслащенное» демонстрацией беспредельной преданности) представлялся во время поездок императоров и членов царствующей фамилии по стране. При въезде августейших путешественников в город их часто встречали высшие мусульманские духовные лица и обращались к ним с выспренними приветственно-благодарственными речами. Царь или цесаревич соприкасался с цветистой восточной лестью, порой не имевшей ничего общего с истинным отношением оратора к предмету его казенного «обожания» («средоточие мира и благоденствия», «всеобщее утешение многих стран и неисчислимых народов», «великий наследник царя царей» и т.п.)[10]. Затем устраивался торжественный молебен, и необязательно в присутствии высокого гостя. Праздничные богослужения проходили в мечетях и по другим поводам. Обязательным назидательным обращением к правоверным и совместной молитвой сопровождалось вступление империи в войну[11]; совершались заздравные богослужения в честь воцарения очередного императора и заупокойные —

8. Марийский фольклор. Мифы, легенды, предания / Сост. В.А. Акцорин. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1991. С. 262.

9. *Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи. Мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татарское кн. изд-во, 2007. С. 87–89, 191.

10. Муфтий Абдулжемид [Послание к кадиям] // Московский телеграф. 1831. Ч. 42. С. 134; Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886. С. 463, 465; Речь, произнесенная оренбургским муфтием Габдуссалямом Габдрахимовым в Оренбурге // Журнал Министерства внутренних дел. 1837. Ч. 25. № 9. С. 535–538.

11. См., например: Верноподданническая телеграмма кубанских черкесов // Кубанский курьер. 1914. 26 октября. С. 3; *Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи. С. 91, 92.

после кончины царя. В 1877 г. имамам было предписано отметить молебствием столетие со дня рождения Александра I[12].

17 апреля 1834 г. старшему сыну императора Николая I, цесаревичу Александру исполнилось 16 лет. Во все концы государства направились из столицы курьеры с текстом высочайшего манифеста, изданного 22 апреля по такому радостному поводу, и с предписанием торжественно отметить совершеннолетие наследника престола. Рескрипт, написанный «на татарском диалекте», поступил и в Уфу. Располагавшееся там Оренбургское духовное магометанское собрание издало указ, который обязывал мусульманских священнослужителей на подведомственных территориях организовать праздничные мероприятия среди паствы. Повинуясь этим распоряжениям, мулла (имам) Ханской соборной мечети в городе Касимове Рязанской губернии Габдельвахит Смаилев собрал прихожан и обратился к ним с речью, которая соответствовала мусульманской проповеди (*вааз*). Помимо верноподданнических излияний, высказанных подобающим случаю выспренним слогом, мулла не преминул вкратце напомнить слушателям о довольно далеком уже прошлом, когда в этих местах Рязанской и окрестных губерний располагалось татарское Касимовское царство[13].

Учитывая весомость слова, произнесенного муллой в мечети, его влияние на население, власти поощряли составление молитв за здравие царя и царствующего Дома. Особое значение придавалось текстам, специально написанным чиновниками для оглашения в учебных заведениях перед школьниками-мусульманами[14]. Самодержца, таким образом, старались как бы искусственно встроить в пантеон ислама, делая его фигурантом воззваний к Всевышнему.

Одним из известных сочинений такого рода является мусульманская молитва о царе и о мире, составленная в 1820 г. (т.е. в начале Кавказской войны) А. П. Ермоловым. Она была напечата-

12. *Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи. С. 91, 193. Официальные циркуляры о порядке совершения молитв в мечетях по торжественным общегосударственным поводам от 1898, 1902 и 1913 гг. см.: там же. С. 397, 402, 403.

13. Подробнее см.: *Трепавлов В.В.* «Остатки царей подвластных». Историческая память татар XIX в. о Касимовском царстве // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 6. Отв. ред. В.В.Трепавлов. М.: Ин-т российской истории РАН, 2014. С. 148–165.

14. См., например: Казанская научно-промышленная выставка 1890 г. Каталог. Учебный отдел. Казань, 1890. С. 46; Центральная Азия в составе Российской империи / Отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 390.

на литографическим способом и разослана местным приставам, по аулам Северного Кавказа, для обязательного чтения в мечетях по пятницам и в праздничные дни[15]. Есть мнение, что в основу ермоловского текста легла молитва по случаю императорской коронации, написанная Феофаном Прокоповичем и впервые прозвучавшая при интронизации Анны Иоанновны в 1730 г.[16] Правда, неизвестно, читалась ли эта молитва где-нибудь и кем-нибудь в действительности или так и осталась на листе генеральского приказа.

Во второй половине XIX в. Синод разрабатывал для инославных конфессий типовые тексты молитв, которые направлялись в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МИД, который, в свою очередь, заказывал в Азиатском департаменте МИД их переводы на языки народов империи[17].

Подобное начинание предпринял также съезд народных судей Ташкента в 1892 г. Он одобрил текст «молитвы за царя», предназначенной для чтения в ташкентских мечетях и «русско-туземных школах»[18].

В буддистских регионах, среди калмыков и бурят, отношения выстраивались по аналогичной схеме: молебны о здравии благополучии и долголетии, заверения в вечной преданности[19]. Некоторые молитвы тоже составлялись по заказу властей. По инициативе казенного начальства в 1853 г. была придумана присяга при

15. *Берже А.П.* Молитва для мусульман на Кавказе, составил в 1820 г. А.П. Ермолов // Русская старина. 1881. Т. 32. С. 454; *Манышев С.Б.* «Непременно была читана ими во всех местах или собраниях...» (О молитве за царя у ногайцев Северного Кавказа в первой четверти XIX в.) // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к грядущему / Отв. ред. Н.Х. Суюнова, А.Х. Курмансеитова, С.А. Кукаева. Черкесск: Б. изд., 2014. С. 75–77.

16. *Арапов Д.Ю.* Ермоловская молитва за царя 1820 г. // Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 370, 371.

17. *Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи. С. 89.

18. Текст этой молитвы см.: Центральная Азия в составе Российской империи. С. 390. Автору неизвестно, в какой мере эта инициатива съезда воплотилась на практике.

19. Например, «Молитва за здравие божества, вращающего своей мощью колесо, могущественного господина императора Александра Второго под названием “Умножающая срок жизни”»: «Да укрепится здравие великого монарха, владыки людей, распространяющего силой истины учение Победоносного, распространится, словно молодой месяц, благой закон древних монархов, и насладятся его совершенным великолепием все живые существа» (цит. по: *Цыремпилов Н.В.* Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII — нач.XX в.). Улан-Удэ, 2013. С. 207).

заступлении на должность главы бурятского духовенства *бандидо-хамбо-ламы*: «...Даю клятвенное сие обещание премилосердным Гурбан-эрдэни — трем драгоценностям и его императорскому величеству всемилостивейшему государю императору Николаю Павловичу и наследнику всероссийского престола Александру Николаевичу, и всем великим сановникам, распространяющим их великие деяния и исполняющим святые законы... клянусь в том, что я... дал клятву помышлять о Боге и государе своем, о его законах и правилах веры... возложенную на меня Богом и государем обязанность исполнять по сущей справедливости и беспристрастно...» и т.д.[20]

В гимнах и славословиях, адресованных царю, его наделяли званиями *чакравартина* (идеального правителя), *дхармараджи* (праведного правителя), *хубилгана* (реинкарнации божества), *цаган-богдо-хана* (белого святого царя), святого покровителя-*бурхана*, ему приписывали установление законов, согласуемых с *дхармой* — нормой гармоничного миропорядка[21]. На месте, где путешествующему императору было угодно отобедать, возводили священное символическое сооружение *сумэ* (*ступу*)[22].

Более того, российские буддисты официально сакрализировали персону царя, помещали его в ряд почитаемых высших существ. В XVIII в. бурятские ламы объявили российских императриц Елизавету Петровну и Екатерину II реинкарнациями Белой Тары (воплощения сострадания, *Цагаан Дара-эхэ*), почитаемой едва ли не наравне с буддами и бодисатвами[23], — первую за официальное признание в империи буддизма (1741 г.), вторую — за определение юридического статуса этой конфессии (1763 г.). Позднее в исторической памяти и мифологизированном сознании народа воплощение Тары стали видеть также в Петре I, который в 1703 г. милостиво принял депутацию от бурят.

20. *В.А.И.* Присяга бандидо-хамбо-ламы монголо-бурят Восточной Сибири // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1884. 22 сентября. № 38. С. 421.

21. *Воронцов А.* Несколько слов по поводу верноподданнейших адресов от калмыков Астраханской губернии его величеству государю императору Александру Николаевичу // Астраханские епархиальные ведомости. 1877. № 43. С. 5, 7; *Фролова Г.Д.* «Богда-наследник Николай» в хвалебных песнях бурят // Восточная коллекция. 2004. № 4 (19). С. 30; *Цыремпилов Н.В.* Буддизм и империя. С. 207; *Цыремпилов Н.В.* Лубсан Самдан Цыденов и идея буддийской теократии в Забайкалье // Восток. 2007. № 6. С. 71.

22. *Фролова Г.Д.* «Богда-наследник Николай» в хвалебных песнях бурят. С. 32.

23. Впрочем, буддийская сакрализация Елизаветы не имеет достоверных подтверждений.

Историческая песня, посвященная тому посольству в Москву, характеризует его так:

> Белый царь по имени,
> Безграничный по добродетели,
> Воплощение Белой Дара-эхэ
> Святой повелитель наш[24].

Александра III буддисты также считали перерождением Белой Тары[25]. «Подобным богу, воплощением достоинств Белой Дараэхэ» предстает в бурятских хвалебных песнях (*магтал*) Николай II; иногда его объявляли реинкарнацией Индры и Вишну[26]. В колофоне своей поэмы участник его коронации 1896 г., лама Лубсан Цыденов, придерживается этой традиции: «Когда известный как воплощение Тары Чинтаманичакра, владыки людей, небесный бог Николай воссел на престол, я обратился к богам долголетия и совершил обряды за его здравие»[27]. Все эти новации, на первый взгляд расходящиеся с канонами буддийского Учения, на самом деле являлись частью *упайи* — пути к просветлению, метода распространения дхармы, который заключался в использовании светских властных институтов для ее внедрения в мир (этого требовала цивилизаторская миссия буддизма)[28].

Однако правители России, насколько нам известно, оставались равнодушными к «иноверным» комплиментам и никак не комментировали уподобление себя чужим божествам. Впрочем, они и не препятствовали этому, позволяя подданным использовать для выражения подцензурных чувств привычные им образы и ассоциации.

Общегосударственный размах имело празднование 300-летия Дома Романовых в 1913 г. — последнее торжество такого мас-

24. *Тулохонов М.И.* Бурятские исторические песни. Улан-Удэ: Бурят.кн. изд-во, 1973. С. 100.

25. *Бадмаев П.А.* За кулисами царизма. Воспоминания. Мемуары. Минск; Москва: Харвест, 2001. С. 65.

26. *Фролова Г.Д.* «Богда-наследник Николай» в хвалебных песнях бурят. С. 30; *Цыремпилов Н.В.* За святую дхарму и белого царя. Российская империя глазами бурятских буддистов XVIII — начала XX веков. С. 23. http://www.torchinov.com

27. Цит. по: *Цыремпилов Н.В.* Лубсан Самдан Цыденов и идея буддийской теократии в Забайкалье. С. 69. Чинтаманичакра — буддийское божество, исполняющее желания.

28. *Цыремпилов Н.В.* За святую дхарму и белого царя. С. 24.

штаба перед мировой войной и революцией. В храмах всех конфессий шли богослужения во славу династии. Вслед за чтением Корана и священных буддийских текстов возносилась хвала царствующему Дому и, конечно, императору Николаю. В «инородческих» селениях устраивались праздники с пением гимна «Боже, царя храни», просветительскими лекциями, угощениями, скачками, увеселениями традиционными и новыми (граммофон, патефон, «туманные картины» и т.п.)[29].

Во всенародном ликовании, при всей его натужной официозности, между тем, просматривались политические, культурные и даже психологические подтексты. Признавая приоритет православия, смиряясь с доминированием русской культуры, народы России фактом своего вовлечения в прославление царской фамилии как бы уравнивали себя с русскими и православными, утверждали себя в качестве равноправных подданных, таких же патриотов империи, как ее крупнейший этнос.

Редкие случаи появления абстрактного, недоступного и далекого «белого царя» перед подданными вызывало у них суеверный трепет — даже в тех регионах, где утверждение российской власти сопровождалось конфликтами и репрессиями. Это наглядно проявлялось на Кавказе, который являлся ареной долгой кровопролитной Кавказской войны. Российские правители неоднократно посещали этот край[30].

Преклонение перед царской особой отразилось в дагестанском предании о том, как местный правитель-*шамхал* целовал землю, по которой ступала императрица Екатерина, сопровождавшая Петра I в Персидском походе[31].

Суеверное почтение вселяла в горцев и сакральная персона Александра II. В день его прибытия в чеченский аул Ведено 14 сентября 1871 г. в семье одного местного жителя родились близнецы. Под впечатлением знаменательного события отец нарек

29. См., например: *Земцов С.* [Письмо в редакцию] // Кубанские областные ведомости. 1913. 15 марта. № 58. С. 2; *Токов Н.* Торжество у подножия Эльборуса // Кубанский казачий листок. 1913. 9 марта. № 376. С. 3; Crews, R.D. (2006) *For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia*, p. 350. Harvard University Press.

30. *Трепавлов В.В.* Царские путешествия на Кавказ. Члены императорской фамилии в крепостях и аулах // Родина. 2015. № 10. С. 102–107.

31. *Потто В.А.* Царская семья на Кавказе 18 сентября — 14 октября 1888 года. Тифлис, 1889. С. 2, 3.

их Александром и Михаилом[32] (в честь царя и его брата, кавказского наместника).

Такое отношение проявлялось еще в начале столетия, при визите в край Александра I. При том, что раздражение и неприятие по отношению к наступающей на горские земли империи и ее армии никуда не исчезали, преклонение перед всемогущим русским властителем перекрывало негативные чувства. А.П. Ермолов отметил это противоречие: «Народ в восхищении боготворит его (царя. — *В.Т.*). Он между приверженными к нему подданными совершенный отец… *хотя в другой раз все готовы зажечь Москву без ропота* (курсив мой. — *В.Т.*)»[33].

К Александру III в кахетинском городе Цинандали бросилась местная жительница, умоляя его одарить взглядом больного ребенка у нее на руках, и этого будет достаточно, чтобы тот выздоровел[34]. Вера простонародья в чудодейственные целительные способности монархов хорошо изучена на материалах европейского средневековья[35], но почти не имеет аналогий в России.

Тем не менее среди «иноверцев» находились настолько убежденные приверженцы своих вероучений, что считали неподобающим поклонение православному властителю. Такая ситуация возникла в мае 1896 г. при приеме в Москве бурятской депутации только что коронованным Николаем II. В ходе аудиенции произошел конфузный случай. Глава депутации, лама Лубсан Самдан Цыденов, во время общего коленопреклонения перед императором остался стоять прямо, чем вызвал неловкость у земляков и привел в недоумение придворных. Аудиенция пошла дальше своим чередом, и уже после нее Цыденову пришлось объясняться с высшими чиновниками и со своим духовным начальством.

Разбирательство возглавил ни много ни мало сам министр внутренних дел И.Л. Горемыкин. Цыденов объяснил, что имеет духовную степень *гэлюнга*, т.е. монаха, принявшего все обеты, поэтому не может поклоняться христианскому царю. Поклон же царю его единоверцев-де — это позорное отступление от канонов Учения. Скандал удалось предотвратить главному тайши хо-

32. Нам пишут из Ведено // Терские ведомости. 1871. 15 октября. № 42. С. 3.

33. *Ермолов А.П.* Кавказские письма. 1816–1860. СПб.: Журнал «Звезда», 2014. С. 29.

34. *Потто В.А.* Царская семья на Кавказе 18 сентября — 14 октября 1888 года. С. 163, 164.

35. *Блок М.* Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М.: Языки русской культуры, 1998.

ринских бурят Ц.Д. Аюшееву. Он придумал объяснить поведение ламы «чрезмерностью патриотического чувства, создавшего потерю сознания и умопомешательство при встрече с царской особой… данный случай является результатом того, что он [Цыденов] никуда не отлучался из захолустного уголка и не бывал в культурных центрах…»[36]. Таким образом, причина якобы крылась в восторженном остолбенении неотесанного провинциала от встречи с императором. Сам Цыденов был недоволен этой нелепой и унизительной версией. Однако власти ею удовлетворились, причем настолько, что при отъезде Цыденов, в числе прочих его земляков, получил наградную золотую медаль. Как видим, и в данном случае возобладали соображения соблюдения взаимной лояльности. Правительство закрыло глаза на вопиющее пренебрежение обязательными нормами поведения со стороны «инородца», а бурятская сторона наспех сочинила примиряющий довод.

И все-таки яркое впечатление от императорской коронации, сам факт причастности к такому историческому событию вдохновили непокорного ламу Цыденова на создание цитированной выше поэмы по этому поводу. Она носила двойное название: монгольское «Лечу по небу» и тибетское — которое само по себе напоминало стихотворение в прозе: «Новая песнь, вдохновленная великой радостью по случаю окончательного восшествия на нерушимый алмазный трон могущественного чакравартина, божества, установленного небом, царя Николая, восхваляющая интронизацию, рассказывающая вкратце также и о славе России, обретшей могущество двух столиц, называющаяся „Многократно взирающая на устрашающих бенгальских и африканских львов в садах Джолоки“»[37].

Этническая политика, «внутренняя дипломатия» по отношению к разноплеменным подданным проявлялась также в личных контактах самодержцев (впрочем, чрезвычайно редких) с предстоятелями инославных конфессий. Таковыми были встречи Александра I с униатскими первосвященниками в 1806 г.[38], Николая I с армянским католикосом в 1837 г. Католикос Иоаннес при встрече с императором в Эчмиадзине в сентябре 1837 г. попросил

36. *Цыремпилов Н.В.* Лубсан Самдан Цыденов и идея буддийской теократии в Забайкалье. С. 65, 66.

37. Там же. С. 69.

38. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1806 года. Июль — декабрь. СПб., 1905. С. 74.

для двух своих племянников русские ордена. Армянский патриарх полагал, что это позволит им стать российскими дворянами. В то время награждение любым орденом действительно давало право на потомственное дворянство. Император выслушав просьбу, улыбнулся и распорядился «сопричислить» юношей к ордену Св. Станислава 1-й степени. Самому Иоаннесу был пожалован орден Св. Александра Невского, вместе с тысячей червонцев[39].

В этом же ряду находилась и вышеупомянутая коронационная аудиенция Николая II бурятской депутации, в составе которой были высокопоставленные ламы, и др. Само присутствие «инородцев» на общеимперских торжествах должно было внушить им мысль о величии православия. Очевидец коронации Александра I наблюдал восторженную реакцию калмыцкого депутата в кремлевском Успенском соборе. Тот «как бы невольно» прослезился и перекрестился. Свидетель этого сделал глубокомысленный вывод о грядущем времени, когда повсюду «свет Христов осенит чалмоносца и язычника»[40]. Несомненно, великолепная, красочная церемония оставила глубокий след в душе буддиста и даже подвигла его на крестное знамение, однако это еще вовсе не означало его отказа от своих религиозных убеждений.

Относительно калмыков заметим, что они пользовались случаем, чтобы на фоне беспредельной преданности самодержцу продемонстрировать свою религиозную особость, укорененность в буддийской вере. В Области Войска Донского в 1887 г. венценосная чета и наследник посетили буддийский храм-*хурул* донских калмыков, где лама поднес им серебряную курильницу тибетского производства. А в 1909 г. от калмыцкой депутации в Царском Селе Николай II и цесаревич Алексей получили изображение божества Дара Эхе[41]. В газетной информации не уточняется, была это скульптура (что вероятнее) или икона. Но ясно, что образ богини милосердия из ламаистского пантеона, «спасительницы от восьми препятствий», предполагал подспудное внушение адресатам дара благосклонного отношения к калмыцким подданным.

В 1908 г. донские калмыки привезли Николаю II и Александре Федоровне два деревянных трона с серебряными накладками.

39. *Берже А.П.* Император Николай на Кавказе в 1837 г. // Русская старина. 1884. Т. 43. Август. С. 383.

40. *Макаров М.Н.* Воспоминания о коронации императора Александра I // Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX века. СПб., 1873. С. 63.

41. Депутация от калмыков // Астраханский вестник. 1909. 24 февраля. С. 3.

Верные своему вероучению, они поместили на престолах, наряду с двуглавыми орлами, сакральные зооморфные фигуры из буддийского пантеона.

Предметы религиозного культа нечасто фигурировали в качестве подношений. Калмыки в этом отношении являли исключение. Тем более не приняты были дары с исламской или языческой («идолопоклоннической») символикой. Впрочем, в башкирском шежере описывается малодостоверный случай, как помощник муфтия «во время коронации преподнес падишаху Александру (III. — *В.Т.*) пятисотрублевую золотую книгу, написав в ней молитвы на арабском и русском языках», и получил за это золотую медаль[42].

Вероисповедный барьер не отделял русских монархов от малороссов и грузин, и от этих народов православная церковная атрибутика принималась благосклонно. В 1805 г. мингрельский князь послал Александру I икону Влахернской Богородицы. Тот приказал украсить ее драгоценными камнями и поставить в придворной церкви в позолоченном киоте, за стеклом[43].

Иногда организаторы официальных мероприятий считали уместным показать лояльность монарху инославного духовенства, его смирение с доминированием православия в империи. В Полоцке в 1780 г., во время посещения его Екатериной II, это выразилось в построении около иезуитского костела католического и униатского духовенства: самих иезуитов, а также доминиканцев и базилиан в полном облачении. Когда императрица после приветствования их удалилась в свои покои, ее ближайший сподвижник Г. А. Потемкин отправился в кафедральный униатский собор, где был встречен митрополитом этой конфессии[44]. У ворот Бахчисарая в 1787 г. государыню встречали православное духовенство с Евангелием в руках и татарский муфтий с Кораном[45] — зримый образ единения религий под скипетром «Северной Семирамиды».

В церемониально выстроенных акциях верховная власть не только демонстрировала благосклонность к подданным,

42. Башкирские родословные. Вып. 1. Сост., предисл., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова. Уфа, 2002. С. 232.

43. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1805 года. Июль — декабрь. СПб., 1904. С. 137.

44. *Сапунов А.П.* Пребывание императрицы Екатерины II в Полоцке // Полоцко-Витебская старина. Вып. III. Витебск, 1916. С. 58.

45. *Есипов Г.В.* Путешествие Екатерины II в южную Россию в 1787 г. // Киевская старина. 1891. № 9. С. 420.

но и выказывала уважение к их традиционному жизнеустройству, являла доброжелательное отношение к инокультурным устоям. Это тоже (как и сохранение традиционных элит) в немалой степени компенсировало негативное отношение к русскому господству, примиряло с необходимостью покоряться царю, его наместникам и чиновникам. Власть отдавала себе отчет, как важно оказывать внимание к россиянам, говорившим на разных языках и исповедовавшим различные верования. Периодически ко двору, на аудиенции и представления, допускались посольства от вассальных, покорных царю правителей и депутации от «инородцев», полностью инкорпорированных в структуру государства. В XIX в. частым элементом торжеств общегосударственного значения в столице стало присутствие представителей разных народов. Редкая возможность увидеть своими глазами русскую столицу и самого государя порождала сюжеты, насыщенные вымышленными подробностями и небылицами. Главной же мифологемой становились рассказы о даровании царских милостей народу и его посланцам.

В приглашениях представителей народов ко двору и в привлечении их к придворным церемониям возможно видеть и некоторый компаративный, состязательный дискурс. Нарочитая пышность и торжественная размеренность коронаций и аудиенций обнаруживали наглядный контраст с традиционными обрядами «инородцев». Величие империи, в которой судьба уготовила им жить, представало наиболее зримо. Так происходила визуализация власти в самой доступной для восприятия форме.

Библиография / References

Арапов Д.Ю. Ермоловская молитва за царя 1820 г. // Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 370– 373.

Бадмаев П.А. За кулисами царизма. Воспоминания. Мемуары. Минск; М.: Харвест, 2001.

Башкирские родословные. Вып. 1. Сост., предисл., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова. Уфа, 2002.

Берже А.П. Император Николай на Кавказе в 1837 г. // Русская старина. 1884. Т. 43. Август. С. 377–398.

Берже А.П. Молитва для мусульман на Кавказе, составил в 1820 г. А.П. Ермолов // Русская старина. 1881. Т. 32. С. 454.

Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М.: Языки русской культуры, 1998.

В.А.И. Присяга бандидо-хамбо-ламы монголо-бурят Восточной Сибири // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1884. 22 сентября. № 38. С. 419–425.

Верноподданническая телеграмма кубанских черкесов // Кубанский курьер. 1914. 26 октября. С. 3.

Власова З.И. Фольклор о Грозном у П.И. Мельникова и Н.К. Миролюбова // Русский фольклор. Т. XX / Отв. ред. А.А.Горелов. Л.: Наука, 1981. С. 107–157.

Воронцов А. Несколько слов по поводу верноподданнейших адресов от калмыков Астраханской губернии его величеству государю императору Александру Николаевичу // Астраханские епархиальные ведомости. 1877. № 43. С. 4–8.

Депутация от калмыков // Астраханский вестник. 1909. 24 февраля. С. 3.

Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816–1860. СПб.: Журнал «Звезда», 2014.

Есипов Г.В. Путешествие Екатерины II в южную Россию в 1787 г. // Киевская старина. 1891. № 9. С. 407–426.

Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи. Мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татарское кн. изд-во, 2007.

Земцов С. [Письмо в редакцию] // Кубанские областные ведомости. 1913. 15 марта. № 58. С. 2

Казанская научно-промышленная выставка 1890 г. Каталог. Учебный отдел. Казань, 1890.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1805 года. Июль–декабрь. СПб., 1904.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1806 года. Июль–декабрь. СПб., 1905.

Кузнецов С.К. Четыре дня у черемис во время Сюрема // Полтыш — князь черемисский. Малмыжский край / Ред.-сост. Лайд Шемйер (В.Н. Козлов). Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба, 2003. С. 305–372.

Макаров М.Н. Воспоминания о коронации императора Александра I // Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX века. СПб., 1873. С. 47–94.

Манышев С.Б. «Непременно была читана ими во всех местах или собраниях...» (О молитве за царя у ногайцев Северного Кавказа в первой четверти XIX в.) // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к грядущему / Отв. ред. Н.Х. Суюнова, А.Х. Курмансеитова, С.А. Кукаева. Черкесск: Б. изд., 2014. С. 75-77.

Марийский фольклор. Мифы, легенды, предания / Сост. В.А. Акцорин. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1991.

Муфтий Абдулжемид [Послание к кадиям] // Московский телеграф. 1831. Ч. 42. С. 132–136.

Нам пишут из Ведено // Терские ведомости. 1871. 15 октября. № 42. С. 3.

Потто В.А. Царская семья на Кавказе 18 сентября — 14 октября 1888 года. Тифлис, 1889.

Проповедь Евангелия перед чукчами // Миссионер. 1874. № 11. С. 15–16.

Речь, произнесенная оренбургским муфтием Габдуссалямом Габдрахимовым в Оренбурге // Журнал Министерства внутренних дел. 1837. Ч. 25. № 9. С. 535–538.

Сапунов А.П. Пребывание императрицы Екатерины II в Полоцке // Полоцко-Витебская старина. Вып. III. Витебск, 1916. С. 55–83.

Токов Н. Торжество у подножия Эльборуса // Кубанский казачий листок. 1913. 9 марта. № 376. С. 3.

Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007.

Трепавлов В.В. «Остатки царей подвластных». Историческая память татар XIX в. о Касимовском царстве // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 6 / Отв. ред. В.В.Трепавлов. М.: Ин-т российской истории РАН, 2014. С. 283–299.

Трепавлов В.В. Царские путешествия на Кавказ. Члены императорской фамилии в крепостях и аулах // Родина. 2015. № 10. С. 102–107.

Тулохонов М.И. Бурятские исторические песни. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1973.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1. Кн. 2. Исторические песни XVI–XVII веков / Сост., подгот. текстов, предисл., коммент., пер. с морд. А.М. Шаронова. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1977.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10. Легенды, предания, былички / Сост., пер., предисл., коммент. Л.В. Седовой. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1983.

Фролова Г.Д. «Богда-наследник Николай» в хвалебных песнях бурят // Восточная коллекция. 2004. № 4(19). С. 29–33.

Хайретдинов Д. Основатель Нижнего Новгорода — татарин! // Татарские новости. 2005. № 7(132). С. 10.

Центральная Азия в составе Российской империи / Отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Цыремпилов Н.В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII — нач. XX в.). Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2013.

Цыремпилов Н.В. За святую дхарму и белого царя. Российская империя глазами бурятских буддистов XVIII — начала XX веков. [http://www.torchinov.com. доступ от 23.03.2015]

Цыремпилов Н.В. Лубсан Самдан Цыденов и идея буддийской теократии в Забайкалье // Восток. 2007. № 6. С. 64–75.

"Deputatsiyia ot kalmykov" ["A deputation from the Kalmyks"] (1909), *Astrakhanskii vestnik* 24: 3.

"Muftii Abdulzhemid [Poslanie k kadiiam]" ["Message to the qadis"] (1831), in *Moskovskii telegraf* 42: 132–136.

"Nam pishut iz Vedeno" ["Written from Vedeno"] (1873), in *Terskie vedomosti*, October 15, No. 42: 3.

"Propoved' Evangeliia pered chukchami" ["The preaching of the gospel before the Chukchi"] (1874), in *Missioner* 11: 15–16.

"Rech', proiznesennaia orenburgskim muftiem Gabdussaliamom Gabdrakhimovym v Orenburge" ["A speech delivered by the Orenburg mufti Abdussalam Gabdrahimov in Orenburg"] (1837), in *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* 25 (9): 535–538.

"Vernopoddannicheskaia telegramma kubanskikh cherkesov" ["Allegiance telegram of the Kuban Circassians"] (1914), in *Kubanskii kur'er* October 26: 3.

Arapov, D.Iu. (2007) "Ermolovskaia molitva za tsaria 1820 g." ["Ermolov's prayer for the tsar, 1820"], in *Severnyi Kavkaz v sostave Rosiiskoi imperii*, pp. 370–373. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Badmaev, P.A. (2001) *Za kulisami tsarizma. Vospominaniia. Memuary* [*Behind the scenes of tsarism. Memories*]. Minsk, Moscow: Kharvest.

Bashkirskie rodoslovnye [*Bashkir genealogies*] (2002). Ufa.

Berzhe A.P. (1884) "Imperator Nikolai na Kavkaze v 1837 g." ["Emperor Nikolai in the Caucasus in 1837"], *Russkaya starina* 43: 377–398.

Berzhe, A.P. (1881) "Molitva dlia musul′man na Kavkaze, sostavil v 1820 g. A.P.Ermolov" ["A prayer for the Muslims in the Caucasus, composed by A.P. Ermolov in 1820"], *Russkaia starina* 32: 454.

Blok M. (1998) *Koroli-chudotvortsy. Ocherk predstavlenij o sverkh"estestvennom kharaktere korolevskoi vlasti, rasprostranennykh preimushchestvenno vo Frantsii i v Anglii* [*King-miracleworkers. Essay on ideas about supernatural character of the king's power, distributed mainly in France and in England*]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.

Crews, R.D. (2006) For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Harvard university press.

Ermolov, A.P. (1905) *Kavkazskie pis'ma. 1816–1860* [*Caucasian letters. 1816-1860*]. Saint Petersbourg: Zhurnal "Zvezda".

Esipov, G.V. (1891) "Puteshestvie Ekateriny II v iuzhnuiu Rossiiu v 1787 g." ["The journey of Catherine II to the Southern Russia in 1787"], in *Kievskaia starina* 9: 407–426.

Frolova, G.D. (2004) "'Bogda-naslednik Nikolai' v khvalebnykh pesniakh buriat" ["Bogda-heir Nikolay" in Buryat songs of praise"], in *Vostochnaia kollektsiia* 4 (19): 29-33.

Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal 1787 goda [*Chamber-Fourrier ceremonial journal of 1787*] (1886). Saint-Petersbourg.

Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal 1805 goda. Iiul' — dekabr' [*Chamber-Fourrier ceremonial journal of 1805. July — December*] (1904). Saint-Petersbourg.

Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal 1806 goda. Iiul' — dekabr' [*Chamber-Fourrier ceremonial journal of 1806. July — December*] (1905). Saint-Petersbourg.

Kazanskaia nauchno-promyshlennaia vystavka 1890 g. Katalog. Uchebnyi otdel [*Kazan scientific and industrial exhibition of 1890. Directory. The educational department*] (1890). Kazan.

Khairetdinov, D. (2005) "Osnovatel' Nizhnego Novgoroda — tatarin!" ["The founder of Nizhny Novgorod — a Tatar!"], in *Tatarskie novosti* 7 (132): 10.

Kuznetsov, S.K. (2003) "Chetyre dnia u cheremis vo vremia Siurema" ["Four days among the Cheremis during Siurem"], in *Poltysh — kniaz' cheremisskii. Malmyzhskii krai*, pp. 305–372. Ioshkar-Ola: The Valentin Kolumb Centre-museum.

Makarov M.N. (1873) "Vospominaniia o koronatsii imperatora Aleksandra I" ["Memories of the coronation of Emperor Alexander I"], in *Sbornik istoricheskikh materialov I dokumentov, otnosyashchikhsia k novoi russkoi istorii XVIII i XIX veka*, pp. 47–94. Saint-Petersbourg.

Manyshev, S.B. (2014) "'Nepremenno byla chitana imi vo vsekh mestakh ili sobraniiakh...' (O molitve za tsaria u nogaitsev Severnogo Kavkaza v pervoi chetverti XIX v.)" ["It should be read by them in all places and meetings..." (On the prayer for the tsar by the Northern Caucasus Nogais in the first quarter of the nineteenth century)], in *Nogaitsy: XXI vek. Istoriia. Iazyk. Kul'tura. Ot istokov — k griadushchemu*, pp. 75–77. Cherkessk.

Mariiskii fol'klor. Mify, legendy, predaniia [*Mari folklore. Myths, legends, tales*] (1991). Ioshkar-Ola: Mari publishing house.

Potto, V.A. (1889) *Tsarskaia sem'ia na Kavkaze 18 sentiabria — 14 oktiabria 1888 goda* [*The royal family in the Caucasus September 18 — October 14, 1888*]. Tiflis.

Sapunov, A.P. (1916) "Prebyvanie imperatritsy Ekateriny II v Polotske" ["Empress Catherine II's stay in Polotsk"], in *Polotsko-Vitebskaya starina* 3: 55–83.

Tokov, N. (1913) “Torzhestvo u podnozhiia El’borusa” [“Celebration at the foot of Elbrus”], in *Kubanskii kazachii listok*, March 9, No 376: 3.

Trepavlov, V.V. (2007) “*Belyi tsar’”. Obraz monarkha i predstavleniia o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv*. [*“A White Tsar”. The image of the monarch and notions of citizenship by the peoples of Russia, 15th–18th centuries*] Moscow: Vostochnaia literatura.

Trepavlov, V.V. (2014) “Ostatki tsarei podvlastnykh”. Istoricheskaia pamiat’ tatar XIX v. o Kasimovskom tsarstve” [“The vestiges of the subordinate kings”. The historical memory of the Tatars in the 19th century about the Kasimov Tsardom”], in *Istoriia narodov Rossii v issledovaniiakh i dokumentakh* 6: 283–299. Moscow: Institute of Russian History.

Trepavlov, V.V. (2015) “Tsarskie puteshestviia na Kavkaz. Chleny imperatorskoi familii v krepostiakh i aulakh” [“Royal journeys to the Caucasus. The members of the Imperial family in the fortresses and villages”], in *Rodina* 10: 102–107.

Tsentral’naia Aziia v sostave Rossiiskoii imperii [“Central Asia in the Russian Empire”] (2008). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Tsyrempilov, N.V. (2007) “Lubsan Samdan Tsydenov i ideia buddiiskoi teokratii v Zabaikal’e” [“Lubsan Samdan Tsydenov and the idea of a Buddhist theocracy in Transbaikalia”], in *Vostok* 6: 64–75.

Tsyrempilov, N.V. (2013) *Buddizm i imperiia. Buriatskaia buddiiskaia obshchina v Rossii (XVIII — nach. XX v.)* [*Buddhism and Empire. The Buryat Buddhist community in Russia (the 18th — early 20th century)*]. Ulan-Ude: Institut mongolovedeniia, buddologii i tibetologii SO RAN.

Tsyrempilov, N.V. (2015) *Za sviatuiu dkharmu i belogo tsaria. Rossiiskaia imperiia glazami buriatskikh buddistov XVIII — nachala XX vekov* [*For the Holy Dharma and the White Tsar. The Russian Empire in the eyes of Buryat Buddhists, the 18th — early 20th centuries*]. [http://www.torchinov.com, accessed on 23.03.2015]

Tulokhonov, M.I. (1973) *Buriatskie istoricheskie pesni* [*Buryat historical songs*]. Ulan-Ude: Buryat publishing house.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda [*Oral-poetic creativity of the Mordovian people*] (1977) Vol. 1, pt. 2. Saransk: Mordovian publishing house.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda [*Oral-poetic creativity of the Mordovian people*] (1983) Vol. 10. Saransk: Mordovian publishing house.

V.A.I. (1884) “Prisiaga bandido-xambo-lamy mongolo-buriat Vostochnoi Sibiri” [“The oath of the East Siberian Mongol-Buriats’ Bandido-Hambo-Lama”], in *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniia* 38 (September 22): 419–425.

Vlasova, Z.I. (1981) “Fol’klor o Groznom u P.I. Mel′nikova i N.K.Miroliubova” [“Folklore about Ivan the Terrible in P.I.Mel’nikov and N.K. Miroliubov’s works”], in *Russkii fol’klor*. Vol. 20, pp. 107–157. Leningrad: Nauka.

Vorontsov, A. (1877) “Neskol’ko slov po povodu vernopoddanneishikh adresov ot kalmykov Astrakhanskoi gubernii ego velichestvu gosudariu imperatoru Aleksandru Nikolaevichu” [“A few words about allegiance addresses from the Kalmyks of Astrakhan province to His Majesty Emperor Alexander Nikolaevich”], *Astrakhanskie eparkhial'nye vedomosti* 43: 4–8.

Zagidullin, I.K. (2007) *Islamskie instituty v Rossiiskoi imperii. Mecheti v evropeiskoi chasti Rossii i Sibiri* [*Islamic institutions in the Russian Empire. Mosques in the European part of Russia and Siberia*]. Kazan: Tatar publishing house.

Zemtsov, S. (1913) [Pis’mo v redaktsiiu], [Letter to the Editorial Board], *Kubanskie oblastnye vedomosti*, March 15, No 58: 2.